

74. Чин исповеди женщин (скитский, поморский), конца XVIII в. (бумага 1789 г.), в 8-ку, 32 л., полуустав, переплет бумажный, оклеенный черной кожей.

75. О ктoих нотнo-крюкoвoй, кoнцa XVIII в., в 4-ку, 214 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей, сохранилась одна медная застежка. На л. 1 заставка-рамка в красках и золоте. На л. 1 об. инициал «Р» написан красками и золотом, тонкой художественной работы. Имеется именной штамп Клеона Мартыновича Носова из деревни Загривочной (Пижма).

76. Устав иноческий, начала XIX в., в 8-ку, 35 л., поморский полуустав, без переплета.

77. Отдельные листы из разных рукописей XVII—XIX вв., 17 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

В Приложении II издаются следующие материалы: 1) «Плачи» по Москве, конца XVIII в.; 2) Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление, середины XIX в.; 3) Письмо неизвестного лица на Пижму к Матвею Абрамовичу, первой половины XIX в.; 4) Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу, 1824 г.

Все тексты публикуются в упрощенной орфографии, но с сохранением фонетических особенностей оригинала. Буквы и слова в квадратных скобках добавлены нами.

1. «Плачи» по Москве, издаваемые по рукописи конца XVIII в. (см. выше, Краткая охранная опись, № 19), представляют собой литературный отклик, и едва ли не один из первых,¹ на эпидемию чумы, свирепствовавшую в Москве в 1770—1771 годах. Чума эта нанесла москвичам огромные жертвы и большой материальный ущерб. Болезнь унесла свыше ста тысяч жителей Москвы. Более трех тысяч домов стояли заколоченными. В момент наивысшего подъема болезни в городе ежедневно умирало до тысячи человек. Не успевали вывозить мертвые тела. Торговля и культурная жизнь огромного города почти замерла. «Моровое поветрие» распространялось весьма упорно и держалось около двух лет. Продолжительности болезни способствовали недостаточность и неподготовленность медицинского и санитарного персонала и надзора, невежество населения, антисанитарное состояние города. Больше всего страдали от эпидемии неимущие слои населения Москвы — рабочие, ремесленники и т. д.

Размах и стойкость эпидемии глубоко потрясли умы москвичей, увидевших в заразной болезни наказание, «кару Божию» за «грехи». Крутые меры властей, взяточничество и вымогательство со стороны отдельных представителей медицинского персонала вызывали резкие протесты. Дело доходило до народных волнений, сопровождавшихся разгромом карантинных, убийством врачей и духовных лиц. Невежественная часть населения враждебно встречала предохранительные санитарные меры, утаивала больных.²

«Плачи» изложены в форме риторических посланий, обращенных к москвичам, оказавшимся в тяжелом положении. Цель «плачей» поднять дух горожан, подбодрить их. Сочинитель верит, что чума — временное явление и скоро должна пройти. Не надо только терять самообладания

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 9. М., 1871, №№ 302 и 304 (стихи XVIII в. о московской чуме 1770—1771 гг.).

² Ф. А. Дербек. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени СПб., 1905, стр. 125—181. См. также: Описание моровой язвы, бывшей в столичном граде Москве 1770—1771 гг. СПб., 1775 г.